

СТАЛИНИЗМ И ПРЕДВОЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Обстоятельства, приведшие ко второй мировой войне в сентябре 1939 г., относятся к тем «вечным» темам, которыми еще долго (по крайней мере в обозримом будущем) будет заниматься историческая наука. Особенно это касается двух стержневых событий 1939 г. – провала советско-франко-английских «тройственных» переговоров и заключения советско-германского договора о ненападении.

На протяжении 50 лет продолжается дискуссия о том, какое место занимали и какую роль сыграли эти события в возникновении предвоенного политического кризиса. Если по поводу «тройственных» переговоров позиции исследователей постепенно сближаются и в настоящее время практически нет серьезных историков, которые рискнули бы оправдывать кого-либо из участников этих переговоров, то иная ситуация сложилась вокруг трактовки советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. Основная причина того состояла в упорном нежелании советской стороны признать наличие важнейшей составной части этого договора – секретного протокола, предопределившего раздел ряда стран Восточной Европы.

Еще на этапе советско-германских переговоров о заключении договора первым (и, пожалуй, тогда единственным), кто возражал против сближения СССР с гитлеровской Германией, был народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов. Впоследствии, когда договор стал фактом, оппозиция ему в разных слоях населения Советского Союза росла. Подобные настроения вынуждали одного из архитекторов этого документа В.М. Молотова с трибуны Верховного Совета Союза ССР 31 августа 1939 г. во время ратификации договора предупредить, как он выражался, «некоторых близоруких людей, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией ...», проявляют «непонимание самых простых основ начавшегося улучшения политических отношений между Советским Союзом и Германией»¹.

С июня 1941 г., когда с началом агрессии Германии против Советского Союза договор был автоматически аннулирован, проблема его происхождения и характера стала менее актуальной. К тому же наличие секретного протокола обе стороны по-прежнему замалчивали.

Новый этап в исследовании этой проблемы и вспыхнувшего интереса широкой общественности к ней составил открывшийся в ноябре 1945 г. Нюрнбергский процесс над главными нацистскими военными преступниками. На нем впер-

Известный историк, специалист по истории второй мировой войны и предвоенного периода, лауреат Государственной премии СССР, академик Академии военных наук, доктор исторических наук, профессор М.И. Семиряга (1922 – 2000) подготовил эту статью для сборника «Европа на рубеже тысячелетий», выход которого предполагался в 1999 г. Сборник не состоялся, а статья сохранилась в архиве редакции. По мнению редакции, материал не утратил научной значимости до настоящего времени.

Международное положение и внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов. Л., 1939. С. 12–13.

вые было упомянуто о существовании секретного протокола, но по договоренности между представителями стран антигитлеровской коалиции эта тема не поднималась, чтобы обвинителей не превращать в обвиняемых. В 1946 г. внимание общественности к ней привлекла американская печать, а еще через два года госдепартамент США издал сборник трофейных документов о советско-немецких отношениях накануне войны, включив в него и текст секретных протоколов. В ответ на эту «идеологическую диверсию» США, как тогда считала советская пропаганда, по указанию министра иностранных дел СССР Молотова в 1948 г. появилась брошюрка «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», в которой была предпринята неуклюжая попытка опровергнуть достоверные факты.

Широкое обсуждение этой проблемы на базе опубликованных документов за рубежом не могло не привлечь внимания и советских историков. При жизни Сталина многие из них, придерживаясь официальной точки зрения, по-прежнему считали договор «мудрым» решением советского правительства и лично Сталина. С 1953 г. появилась возможность уточнить эту оценку и назвать договор «вынужденной» мерой Советского Союза. Одновременно в среде творчески мыслящих и не связанных старыми стереотипами историков закрадывалось сомнение в правомерности даже этой дефиниции. Но на протяжении четырех десятилетий подобные взгляды могли высказываться только на научных форумах. В печатные издания вход им был закрыт.

Лишь в настоящее время, постепенно и с большими усилиями освобождаясь от цензурных ограничений и некоторых идеологизированных догм, советские историки предприняли серьезную попытку проанализировать не только советско-германский договор, но и весь комплекс событий в период предвоенного политического кризиса, место и роль действовавших тогда на международной арене политических сил. Эта работа принесла определенные результаты, особенно в своеобразном «юбилейном» 1989 году, когда были обнародованы некоторые советские документы. Исследователям более широко стали доступны труды зарубежных специалистов, прошел ряд международных и национальных научных форумов.

Советские историки (В.А. Анфилов, Л.А. Безыменский, В.М. Бережков, В.И. Дашичев, Ф.Н. Ковалев, В.М. Кулиш, Г.А. Куманев, А.Н. Мерцалов, Р.А. Мюллерсон, А.С. Орлов, О.А. Ржешевский, П.П. Севостьянов, В.Я. Сиполс, Н.Д. Смирнова, С.З. Случ, С.А. Тюшкевич, В.М. Фалин, А.О. Чубарьян, А.С. Якушевский, ряд историков Латвии, Литвы и Эстонии и др.) в журналах и газетах опубликовали интересные, хотя в ряде случаев и спорные, статьи.

Принципиальное значение для оценки событий 1939 г. имеет Сообщение Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г., сделанное ее председателем А.Н. Яковлевым на Втором Съезде народных депутатов², и соответствующее постановление Съезда, а также статья первого заместителя министра иностранных дел СССР А.Г. Ковалева, убедительно подтвердившая существование в 1939 г. секретного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г.³.

² Правда. 1989. 24 и 28 декабря.

³ Известия. 1989. 27 декабря.

В итоге вырисовываются зрелые контуры картины о реальных событиях того сложного и противоречивого периода. Но в цепи этих событий наименее изученным остается, к сожалению, «советское звено», что объясняется еще по-прежнему существующей закрытостью многих архивных документов СССР и особенно относящихся к англо-франко-советским и советско-германским переговорам.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, опираясь на эти ограниченные возможности, высказать некоторые соображения относительно того, как вписывалась сталинская внешнеполитическая концепция в предвоенный политический кризис и как она соизмерялась с политикой западных держав (Англии и Франции) и Германии. Разумеется, не хотелось бы терять надежды на то, что в скором времени объединенными усилиями специалистов удастся все же произвести всесторонний и глубокий анализ «советского звена» в событиях того далекого 1939 года.

К середине 30-х годов Советское государство убедительно демонстрировало свое миролюбие и заинтересованность в мирном сосуществовании с капиталистическими странами. Однако обострившиеся сталинские деформации во внутриполитической жизни Советского Союза находили отражение и в его международной политике. Являясь генеральным секретарем ЦК ВКП(б), И.В. Сталин тогда официально и непосредственно не занимался текущими внешнеполитическими делами (председателем СНК он стал лишь в мае 1941 г.). Он не участвовал в переговорах с другими государствами, не принимал послов, не подписывал дипломатических документов.

Вместе с тем его внешнеполитические концепции и особый «сталинский» почерк чувствовались во всех шагах советского правительства в области внешней политики. В принципиальном плане прежде всего в том, что советское руководство под давлением Сталина давало одностороннюю оценку расстановки и соотношения политических сил в мире. Утверждалось, например, что в центре мировой политики стояла борьба двух мировых систем – капиталистической и социалистической. Отсюда формулировался тезис о том, что СССР является крепостью, осажденной врагами, одиноким островком в бушующем океане империализма, который только и выжидает случая, чтобы смыть этот островок с лица Земли. Из этого тезиса вытекал вывод, который настойчиво навязывался советскому народу Сталиным, чтобы оправдать его внутреннюю политику: необходимо усиливать террористический режим в этой крепости и всячески поддерживать закрытый характер советского общества.

Сталин полностью игнорировал важный гуманистический принцип приоритетности в международных отношениях общечеловеческих интересов над классовыми. Да и как он мог уважать этот принцип, если в 1937 г. он сам выдвинул концепцию об обострении классовой борьбы в советском обществе, а в международных делах не учитывал классовой и политической разнородности сил, действующих тогда на мировой арене.

Сталин и его окружение, прежде всего Молотов, внесли свой субъективный и дилетантский подход в советскую внешнеполитическую стратегию, заложенную еще В.И. Лениным и затем успешно проводившуюся наркомом иностранных дел

Чичериным, а затем занявшим этот пост М.М. Литвиновым. Созданный искусственно Сталиным конфронтационный дух так пронизывал действия советского руководства, несмотря на возражения Литвинова, что мешал трезво взглянуть на свои собственные интересы и реально определить, где враги, а где силы, могущие стать союзниками СССР. Этому препятствовал прежде всего антифранко-английский синдром Сталина. Верх брали эмоции и стереотипы, а не рассудок.

Командно-административные методы и примитивно идеологизированный подход Сталина ко многим внешнеполитическим проблемам довели над советской дипломатией. Процесс принятия важных внешнеполитических решений имел узкоэлитарный характер и нередко без опоры на выводы науки. Народ же вообще был отстранен от участия в формировании внешней политики. Подобные идеологические концепции и авторитарная практика во внешней политике СССР в период предвоенного политического кризиса не воспринимали адекватно протекавшие в мире сложные и противоречивые процессы и объективно не соответствовали коренным интересам Советского государства и народа.

Не подлежит сомнению, и это еще раз было документально показано в ходе заседаний Нюрнбергского международного трибунала, что главными виновниками предвоенного политического кризиса, а затем и мировой войны, были Германия, Италия и Япония, которым содействовали их сателлиты. Немалая доля ответственности за возникновение предвоенного политического кризиса ложится и на правящие круги Англии и Франции, которые в Мюнхене пошли на преступное попустительство Гитлеру, объективно открывшее «зеленый свет» войне.

Однако трудно уйти и от вывода, что именно в этот сложный момент советских руководителей также покинуло чувство реализма и выдержки. Они не могли не знать, что мюнхенская политика со всеми ее пороками не была и не могла быть последним словом западных держав. Они были осведомлены о глобальных планах Гитлера, жертвами которых неизбежно должны были стать и эти державы. Поэтому наряду с политикой западных держав сталинизм стал одной из основных причин, по которой Советский Союз не был готов к соглашению с Англией и Францией о совместных действиях против фашизма. Сталинский режим в политическом, да и в моральном плане был больше подготовлен к сговору именно с Гитлером.

Германское посольство в Москве уже в первые дни после заключения Мюнхенского соглашения предвидело возможность пересмотра внешней политики СССР и связанные с ним персональные перемещения в наркомате иностранных дел. Так, 3 октября 1938 г. советник германского посольства в Москве В. фон Типпельских писал в МИД Германии: «Обращаясь к области политического прогноза, нельзя отказываться от мысли, что Советский Союз пересмотрит свою внешнюю политику. В этой связи надо иметь в виду прежде всего отношения с Германией, Францией и Японией ... Я не считаю невероятной гипотезу, что современное положение открывает благоприятные

возможности для нового и более широкого экономического соглашения Германии с СССР»⁴.

В Берлине этими возможностями стремились максимально воспользоваться. В октябре 1938 г. между германским послом в Москве Ф. фон Шуленбургом и Литвиновым была достигнута договоренность о прекращении нападок по радио и в прессе на руководящих деятелей обеих стран. Затем последовало заключение взаимовыгодного торгового соглашения⁵. На дипломатическом приеме 12 января 1939 г. Гитлер демонстративно в течение нескольких минут беседовал с советским полпредом А.Ф. Мерекаловым, чего раньше никогда не делал. В речах Гитлера от 20 января и 28 апреля 1939 г. не содержалось обычных для него в прошлом нападок на Советский Союз и его внешнюю политику.

С весны 1939 г. контакты советских представителей с немецкими приобрели такой же активный характер, как и с английскими и французскими. Руководители Германии заявили о своем желании «возродить дух Рапалло», напомнили о документе, который в 1922 г. стал историческим в судьбах этой побежденной страны и молодой Советской России. 17 апреля 1939 г., именно в этот день, когда СССР внес предложение Англии и Франции подписать трехсторонний военно-политический пакт о взаимной помощи, Мерекалов посетил статс-секретаря МИД Германии Э. Вайцзеккера и быстро решил вопрос о продолжении выполнения советских заказов на чешских военных заводах «Шкода». Одновременно, как отметил в своем дневнике Вайцзеккер, речь шла и об улучшении отношений между СССР и Германией⁶. Так началась пресловутая «двойная игра» сталинского руководства, которое воспользовалось сложившейся ситуацией, когда СССР оказался в положении «богатой невесты», ухажеры которой повернули курс на 180 градусов: от полного игнорирования до страстного желания овладеть ею.

Обе стороны медленно, но настойчиво расчищали накопившиеся в их отношениях завалы. Немецкая пропаганда не акцентировала более внимание на том, что «врагом № 1» Германии является Советский Союз. Огонь пропагандистской войны был перенесен на Рузвельта и «других западных плутократов».

Сталин, особенно в период до мая 1939 г., когда наркомом иностранных дел был Литвинов, не терял надежды и на сотрудничество с противниками миротворцев в Лондоне и Париже. Не возражал он и против реанимации системы коллективной безопасности. Одновременно он давал понять, что не исключена и возможность улучшения отношений с Германией, поскольку по-прежнему испытывал недоверие к политике Англии и Франции, обостренное после Мюнхена, когда эти страны небезуспешно стремились поставить Советский Союз в положение международной изоляции и свели практически на нет усилия советской дипломатии по созданию системы коллективной безопасности.

⁴ Documents of German Foreign Policy. Serie D. Vol. IV. London, 1959. P. 603–604.

⁵ C. Hilger. Wir und Kreml. Deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918 – 1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Berlin, 1956. S.256.

⁶ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 336–337.

В отчетном докладе на XVIII съезде ВКП (б) 10 марта 1939 г. Сталин заявил, что советская дипломатия будет проводить политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами, в то же время соблюдая осторожность и не давая провокаторам войны втянуть Советский Союз в конфликт⁷. Эти слова должным образом были восприняты в столицах западных держав. В Берлине же их поняли как приглашение к диалогу.

Это было время, когда произошло новое резкое усиление военной угрозы в Европе. Германия захватила Чешские земли, а Словакии предоставила призрачную независимость. Агрессивные действия Германии вызвали озабоченность во многих странах, однако пути обеспечения своей собственной безопасности они видели неодинаково.

Оккупация Чехословакии значительно активизировала деятельность противников Мюнхена в Англии и Франции. Общественность этих и других стран требовала принять решительные меры против усилившейся фашистской агрессии. Так, если осенью 1938 г. общественное мнение Франции одобрило Мюнхенское соглашение (за него высказалось 53% опрошенных, против – только 37%), то летом 1939 г. уже 76% опрошенных высказалось за применение силы в случае германской агрессии против Польши. В Англии в июле 1939 г. 37% населения требовало заключения пакта о взаимной помощи с Советским Союзом. Против Н. Чемберлена и его сторонников продолжали выступать У. Черчилль, А. Иден, Д. Ллойд Джордж и другие видные политические деятели страны.

Президент США Ф.Д. Рузвельт в беседе с Бенешем в мае 1939 г. заявил, что аннексия чешских земель – крупнейшая ошибка Гитлера, ибо он «проглотил динамит», восстановил против себя всех честных людей в мире и нанес удар по Чемберлену, который до сих пор не может от него оправиться. Далее Рузвельт выразил надежду, что народы заставят Даладье и Чемберлена заключить соглашение с Советским Союзом⁸.

Усиливавшаяся агрессивность Германии, которая уже непосредственно угрожала интересам Великобритании и Франции в Европе, и нараставшее недовольство общественности политикой умиротворения Гитлера оказали влияние на эволюцию внешнеполитической линии Н. Чемберлена и Э. Даладье. Правда, она менялась непоследовательно, но все же это не был тактический прием, за которым скрывалось сознательное продолжение умиротворения и попустительства Гитлеру.

Изменение состояло в следующем. Во-первых, 31 марта 1939 г., т.е. через несколько дней после вступления германских войск в Прагу, Чемберлен заявил в парламенте, что в случае угрозы независимости Польши и если Польша окажет этой угрозе сопротивление, английское правительство «будет считать себя связанным немедленно оказать польскому правительству всю находящуюся в его силах помощь»⁹. Эти односторонние гарантии вскоре

⁷ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отч. М., 1939. С. 14-15.

⁸ Центральный государственный архив Советской Армии (далее ЦГАСА). Ф. 33987. Оп.3. Д.1234. Л. 57.

⁹ Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 345. Col. 2415.

приобрели взаимный характер, что было зафиксировано в англо-польском коммюнике от 6 апреля 1939 года¹⁰. Несколько позднее заявление сделало и французское правительство. Летом того же года эти документы были оформлены в международно-правовом обязательстве о гарантиях. Все эти факты были хорошо известны Сталину из донесений советских посланников в Англии и Франции. «Случилось то, что больше всего старался избежать Чемберлен, – телеграфировал в Москву советский полпред в Лондоне И.М. Майский 20 марта 1939 г. – Между Англией и Германией пролегла глубокая политическая и морально-психологическая борозда, которую заровнять будет нелегко. Какие-либо переговоры между Лондоном и Берлином в ближайшем будущем невозможны»¹¹. Примерно в таком же духе докладывал 26 марта полпред СССР во Франции Я.З. Суриц¹².

Во-вторых, тогда же, в марте 1939 г., когда Англию и Францию постигло горькое разочарование, потому что Гитлер пошел дальше того предела, за которым уже непосредственно лежали их интересы, Чемберлен и Даладье предприняли шаги к началу переговоров с Советским Союзом как по политическим, так и по военным вопросам. Подобное развитие событий недооценивать нельзя, ибо оно свидетельствовало о том, что Англия и Франция перестали игнорировать, как это они делали до Мюнхена, место Советского Союза в европейской политике и вынуждены были считаться с ним как с важным политическим фактором в Европе.

Казалось, Сталину в полном объеме следовало бы использовать сложившуюся исключительно благоприятную ситуацию для углубления контактов с Лондоном и Парижем в целях внешнеполитической изоляции Берлина. Осуществляя свою «двойную игру», в какой-то мере он так и поступал, но от своего недоверия к политике Англии и Франции так и не избавился. Поэтому он счел возможным продолжать улучшать отношения и с Германией, не учитывая того, что Гитлер с их помощью стремился разрушить наметившиеся англо-франко-советские переговоры.

Некоторое время Литвинову еще удавалось склонять чашу весов советской внешней политики в пользу более активного сотрудничества с Англией и Францией. После приема английского посла У. Сидса Литвинов 21 марта 1939 г. записал в служебном дневнике, что правительство Великобритании крайне озабочено агрессивной акцией Гитлера и разработало проект четырехсторонней декларации (Англия, СССР, Франция и Польша). В нем не отвергаются советские предложения, но, по мнению Галифакса, декларация произведет отрезвляющее впечатление на Германию¹³.

15 апреля 1939 г. в докладе Сталину Литвинов сообщил о предложении английского правительства об односторонней декларации с нашей стороны и более конкретном французском предложении о расширении советско-французского пакта о взаимной помощи. Далее он сформулировал четыре

¹⁰ The Times. 1936. April 6.

¹¹ СССР в борьбе за мир. С. 258.

¹² Там же. С. 277.

¹³ ЦГСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235. Лл. 11-12.

хорошо аргументированных пункта в качестве условий для сотрудничества с Англией и Францией¹⁴.

Какова была реакция Сталина на эти предложения, неизвестно. Но с 3 мая, когда Литвинов внезапно был снят с поста наркома и на его место назначен председатель СНК В.М. Молотов, ситуация существенно прояснилась. Из переписки Шуленбурга с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом явствует, что в германском посольстве и в Берлине были весьма обрадованы этим шагом Сталина.

Отвечая на вопрос Сидса, означает ли уход Литвинова какие-либо изменения внешней политики СССР, Молотов сказал, что позиция СССР в переговорах с Англией остается без изменений, если не произойдет изменений в международной обстановке и в позиции других держав¹⁵. Но Молотов не был искренен с послом.

Несколько дней спустя Сидс заявил заместителю наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкину, что, по его мнению, налицо факт несомненного сближения позиций английского и советского правительства в вопросе об основах предполагаемого соглашения о противодействии агрессии в Европе. Далее посол проинформировал, что Чемберлен, выступая в палате общин, заявил, что имеется надежда на соглашение с СССР по всем основным вопросам¹⁶.

На очередном приеме у Потемкина 5 августа 1939 г. Сидс и французский посол П. Наджар отметили, что в политической части готовящегося договора остается лишь разрешить вопрос о косвенной агрессии, потому что этому понятию трудно дать определение. Они просили, чтобы этот вопрос не фигурировал в тексте первой статьи, и предложили перенести его в дополнительный секретный протокол¹⁷.

Но оптимизм английского и французского послов уже не имел серьезного значения, так как Сталин и Молотов с мая 1939 г. склонялись делать ставку на германскую карту: с одной стороны, политические переговоры СССР с Англией и Францией шли медленно, а с другой – из Берлина настойчиво предлагали Советскому Союзу всевозможные блага, если всестороннее улучшение советско-германских отношений будет продолжаться.

В эти дни в советской печати можно было встретить заявления, из которых вытекало, что советское руководство без энтузиазма относилось к переговорам с Англией и Францией. Так, в июне 1939 г. в передовой «Известий», резко критиковавшей Англию и Францию за срыв создания системы коллективной безопасности в Европе, содержалась фраза: «У нас нет договоров о взаимной помощи ни с Францией, ни с Англией», хотя в действительности советско-французский договор, заключенный в 1935 г., не был денонсирован. Бывший сотрудник НКВД А. Рошин вспоминает, что «такая формулировка в статье могла преследовать определенные цели и была выбрана специально, по неизвестным мне тогда соображениям»¹⁸. В свете последую-

¹⁴ Там же. Л. 27–29.

¹⁵ Там же. Л. 86–87.

¹⁶ Там же. Л. 48.

¹⁷ Там же. Л. 57.

¹⁸ Международная жизнь. 1987. № 11. С. 150.

щих событий можно более определенно высказать предположения, что статья была своеобразным маневром. Она как бы приглашала Гитлера к более активным действиям с определенной гарантией успеха. Учитывая непоследовательность позиции Англии и Франции, Сталин и Молотов склонялись к мысли, что сотрудничество с Германией было бы для СССР более выгодным, если она откажется от антисоветской политики. Это была игра дилетантов в области внешней политики, волею случая оказавшихся в такое сложное время у руля руководства великой державой. В мае 1939 г. английский посол Сидс после первой встречи с новым наркомом иностранных дел Молотовым сообщал в Лондон, что «судьбе было угодно, чтобы я имел дело с человеком, который по внешнеполитическим вопросам не имеет никакого понятия»¹⁹.

Анализируя сложные взаимоотношения ведущих европейских держав летом 1939 г., нельзя согласиться с мнением о том, будто переговоры между ними шли по трем равноценным направлениям: продолжались советско-германские контакты, велись активные британско-немецкие переговоры и шли переговоры СССР, Англии и Франции. Видимо, британско-немецкий зондаж, который не имел реальных шансов на успех, не следовало бы считать серьезными «переговорами», которые должны были беспокоить советское руководство.

В течение июля отношения между СССР и Германией имели характер выжидания с обеих сторон. Сталин готов был их углублять, но он необоснованно опасался, что Англия и Франция перехватят инициативу и совместно с Германией создадут единый антисоветский фронт. Вместе с тем он был крайне заинтересован в скорейшем выяснении позиции Советского Союза, ибо начало агрессии против Польши было определено окончательно – на конец августа – начало сентября 1939 года.

В Берлине были заняты поиском путей активизации отношений с Советским Союзом без ущерба для своего реноме. Решительный шаг Гитлер предпринял в конце июля 1939 г. В Берлине состоялась встреча руководителя восточноевропейской референтуры экономико-политического отдела МИД Германии Ю. Шнурре с советским поверенным в делах Г.А. Астаховым, на которой немецкий дипломат стремился убедить своего собеседника в том, что СССР и Германия едины в главном – «в своем враждебном отношении к капиталистической демократии», которая не предложит Советскому Союзу ничего, кроме «участия в европейской войне. Германия же предлагает ему нейтралитет и исключение из европейского конфликта» и, если «Москва пожелает, то и немецко-русское взаимоотношение в интересах обеих стран»²⁰.

Но, предупреждал Астахов, политические переговоры между СССР и Германией будут возможны только при условии, если не будет подписано англо-франко-советское военно-политическое соглашение. Астахов высказал свое сомнение, будут ли немцы соблюдать эти эвентуальные обязательства, так как они думают «этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей»²¹.

¹⁹ Jakobson M. Diplomatie im Finnischen Winterkrieg 1939/40. Wien-Dusseldorf. 1970. S.106/

²⁰ Krummacher F.A., Lange H. Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von Brest-Litowsk zum Unternehmen Barbarossa. München, 1970. S.371.

²¹ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Лл. 392–395.

Астахов хорошо уловил коварный характер предложений германской стороны и в донесении в Москву предупреждал о их возможных опасных последствиях для СССР. Однако Сталин и Молотов это предупреждение не приняли во внимание. Их привлекли щедрые обещания Берлина предоставить свободу рук Советскому Союзу в зоне Восточной Европы, особенно в Прибалтике, то есть то, чего не могли обещать Англия и Франция и из-за чего советско-англо-французские военные переговоры топтались на месте, а позже были вообще сорваны.

На переговорах трех держав действительно возникли серьезные трудности. Политические переговоры практически затормозились из-за разного понимания проблемы так называемой косвенной агрессии. В советской интерпретации под косвенной агрессией понимались «внутренний переворот или поворот в политике в угоду агрессору». Нетрудно предположить, что подобная аморфная дефиниция допускала возможный опасный субъективизм при оценке этой «политики в угоду агрессору» и возможность вмешательства во внутренние дела третьих стран. В Лондоне эта идея была отвергнута.

Советский исследователь С.З. Случ имеет основание утверждать по этому поводу, что «косвенная агрессия – это был тот самый «троянский конь», с помощью которого не Гитлер, а Сталин пытался открыть дорогу в Прибалтику, прикрываясь необходимостью обеспечения «государственных задач в районах западных границ СССР». Запад на это не пошел»²².

10 июля 1939 г. Великобритания решила отклонить предложения Советского Союза об одновременном подписании политического и военного соглашения. Когда в конце июля 1939 г. кабинет Чемберлена вырабатывал позицию британской делегации на предстоящих военных переговорах в Москве, то в ней было определено, что главное – тянуть время. Чемберлен находил, что в тот период военное сотрудничество с СССР было невозможным. Это означает, что переговоры были нужны Великобритании для того, чтобы помешать возможному советско-германскому сближению и не допустить, чтобы СССР оставался в стороне от возможного конфликта на западе²³.

Несговорчивым оказалось правительство Польши. Несмотря на неоднократные предложения Англии и Франции, оно отвергало какое-либо сотрудничество с Советским Союзом. Ясно, что без согласия Польши советские войска в случае войны с Германией не могли бы войти в боевое соприкосновение с фашистским вермахтом.

Что же касается позиции советского правительства, то, встретившись с первыми затруднениями в переговорах с западными державами, оно стало терять веру в возможность серьезного сотрудничества с ними. Задолго до начала военных переговоров секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Жданов в опубликованной статье «Английское и французское правительство не хотят равного договора с СССР» в категорической форме утверждал, что затягивание пере-

²² Случ. С.З. О некоторых проблемах дипломатической борьбы в канун второй мировой войны // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 100.

²³ Подробно см. К истории заключения советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. (документальный обзор) // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 9–13.

говоров вызывает сомнение в искренности их подлинных намерений²⁴. Но советские средства массовой информации не раскрывали и не давали оценки позиции других стран, от которых зависела судьба переговоров.

Таким образом, всем участникам «тройственных» переговоров недоставало должной ответственности перед своими народами и в целом народами Европы и государственной мудрости, чтобы совместными усилиями преграждать путь к войне или хотя бы отодвинуть ее с тем, чтобы изменить соотношение сил в свою пользу.

16 августа 1939 г., когда еще не было в полной мере ясно, как пойдут начавшиеся в Москве военные переговоры, Политбюро ЦК ВКП (б) уже приняло окончательно решение в пользу приоритета в переговорах с Берлином на условиях, выдвинутых Риббентропом. Не зная, разумеется, об этом решении, в Берлине с тревогой ждали вестей из Москвы о ходе советско-англо-французских переговоров, хотя уже 14 августа Астахов передал Шнурре принципиальное согласие Сталина не только обсудить экономические отношения, но и установить сотрудничество по линии прессы и культуры, а также рассмотреть польскую проблему и «прежние политические советско-германские соглашения».

Этим согласием Сталина судьба советско-англо-французских переговоров была предрешена. По предложению Сталина, советская делегация во главе с К.Е. Ворошиловым прервала переговоры, хотя и заявила, что заключение советско-германского договора вполне совместимо с подписанием тройственного пакта между СССР, Англией и Францией. Французскому послу Наджиару Молотов также заявил, что переговоры с англо-французской делегацией могли бы быть продолжены через неделю после заключения советско-германского договора²⁵.

Но, во-первых, подобные заявления были сделаны для того, чтобы успокоить общественное мнение как Советского Союза, так и других стран. Народам трудно было понять, как руководитель социалистического государства мог пойти на подобный сговор с фашистским диктатором, а о существовании одиозного секретного протокола они вообще не знали. Во-вторых, это был элементарный блеф, ибо нельзя было быть одновременно союзником как агрессора, так и его жертвы. Ведь когда Советский Союз участвовал в военных переговорах с Англией и Францией, он знал, что эти переговоры были направлены не против какой-то абстрактной агрессии, а против агрессии конкретно со стороны Германии. Кроме того, статья IV так связывала Советскому Союзу руки, что он не мог «участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой страны»²⁶.

Говоря о причинах, приведших к срыву советско-англо-французских переговоров, нельзя не признать, что англо-французские партнеры действительно не проявляли активности и должной заинтересованности в заключении военного соглашения с Советским Союзом и поэтому несут свою долю ответ-

²⁴ Правда. 1939. 26 июня.

²⁵ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939. М., 1987. С. 328.

²⁶ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946. С. 443.

ственности за их срыв. Но все ли сделало советское руководство, чтобы добиться этого соглашения и уйти от необходимости сговариваться с Германией?

Не соответствует действительности утверждение, что Сталин пошел на сближение с Германией будто лишь за несколько дней до 23 августа, находясь в безвыходной и опасной ситуации. Приведенные выше факты подтверждают, что советско-германский договор не был плодом экспромта. Он стал итогом эволюции советской внешнеполитической линии на протяжении предыдущих нескольких месяцев, энергично подталкивавшейся немецкими инициативами. 22 августа, выступая перед высшим командным составом вермахта, Гитлер заявил, что именно с осени 1938 г. он принял «решение идти со Сталиным».

27 августа 1939 г. с поздравлением в связи с подписанием советско-германского договора немецкий военный атташе генерал Кестринг специально посетил отдел внешних сношений НКО. В ходе беседы он сказал, что еще 5 лет тому назад предлагал подписать такой договор. После доклада Сталина на XVIII партсъезде он снова напомнил своему руководству об этом предложении. Но тогда, заявил генерал, Германия еще не была готова сделать такой шаг²⁷.

На этом завершился важный этап предвоенного политического кризиса. Он был насыщен важными событиями, которые в значительной мере предопределили характер дальнейших отношений Советского Союза с другими странами. Важно отметить, что эти отношения развивались в напряженное, но все же мирное время. Советское руководство, не связанное никакими обязательствами, располагало свободой действий, которой оно широко пользовалось, маневрируя между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией – с другой. Однако Сталин и Молотов, определявшие тогда советскую внешнюю политику, предпочли сближение с фашистской Германией продолжению трудных (но крайне необходимых) политических и военных переговоров с Англией и Францией.

Подписанию советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. и секретного протокола к нему стало решающим событием накануне второй мировой войны и одним из самых крупных политических просчетов Сталина. Хотя он сам считал этот просчет своей «победой», так как мол ему удалось обмануть Гитлера. В свою очередь гитлеровская верхушка с большим основанием рассматривала договор как свою великую победу. Гитлер заявил, что отныне весь мир в его кармане. А Риббентроп, по свидетельству германского военного атташе в Москве Э. Кестринга, был весьма удовлетворен тем, что встретился «лично с великим человеком Сталиным и услышал его ясную и не вызывающую никаких сомнений постановку вопроса»²⁸.

Какими же причинами было вызвано согласие Сталина предпринять этот рискованный шаг и пойти на сговор с гитлеровской Германией? Как он сам утверждал, у него было опасение, что Англия и Франция совместно с Германией образуют объединенный антисоветский фронт. Действительно, Советскому Союзу нужно было соблюдать бдительность и быть начеку. Однако трезвая оценка международной ситуации в тот период приводит к выводу, что в центре

²⁷ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Л. 413.

²⁸ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Л. 413.

европейской и в конечном счете мировой политики все же стояли противоречия между англо-французским блоком и Германией. Их острота и непримиримость делали маловероятной возможность создания единого антисоветского блока. Даже Черчилль, не отличавшийся, как известно, симпатиями к Советскому Союзу, неоднократно заявил, что цели Германии остались неизменными – мировое господство, и что они ставят под угрозу интересы США и Британской империи: Россия же не представляет реальной угрозы²⁹.

Некоторые советские авторы, например, Робертас Жюгджа, утверждают, что «только убедившись, что обеспечение безопасности Советского государства и сохранение мира в сотрудничестве с Англией и Францией невозможно, и стремясь сорвать антисоветские планы реакционных кругов этих стран, правительство СССР принимает предложение Германии, чтобы устранить нависшую угрозу войны»³⁰. Но дело в том, что этим шагом не было достигнуто ни сохранения мира, ни срыва антисоветских планов, которых не существовало. В конечном счете не была устранена и нависшая над СССР угроза войны. Наоборот, со временем она приобрела более опасный характер.

Что касается самой Германии, то опасность ее нападения на СССР в то время Сталиным сильно преувеличивалась. В 1939 г. к такой войне она не была готова и, подчеркиваю, в то время не имела против СССР никаких разработанных агрессивных оперативных планов. Известны слова начальника оперативного управления генштаба сухопутных войск генерала В. Варлимонта о том, что германская армия никогда не была так плохо подготовлена к войне, как в 1939 г.: не хватало боеприпасов, тяжелых танков, автомашин, средств связи и железнодорожных войск. Было плохо с подготовленными резервами, особенно среди офицерского состава³¹. В 1938 – 1939 гг. Гитлеру удавалось добиваться успеха в своих внешнеполитических авантюрах преимущественно шантажом. Это, кстати, признавали и его генералы. Лишь позднее Германия обрела реальную военную силу.

Япония также не была готова к большой войне, что показали события на Халхин-Голе³². Ее агрессивные силы не рискнули напасть на Советский Союз в гораздо более благоприятный для них период – в 1941 и 1942 годах. А тем более они не посмели бы предпринять такую акцию в 1939 – 1940 годах. В этой связи нельзя не согласиться с выводом В.И. Дашичева о том, что в 1939 г. военно-стратегические планы Японии были связаны прежде всего с экспансией в сторону Юго-Восточной Азии, Китая и южной части Тихого океана.

В некоторых статьях советских историков встречаются утверждения, будто независимо от наличия советско-германского договора Германия все равно напала бы на Польшу и разгромила ее, и вермахт оказался бы непосредственно у границ Советского Союза, который находился бы к тому же в международ-

²⁹ Foreign Relations of the USA. Diplomatic Papers. 1940. Vol. 1. Wash. 1959. P. 83–84.

³⁰ Жюгджа Р. В августе 39-го // Советская Россия. 1988. 24 августа.

³¹ Gorlitz W. Der Deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt. 1675 – 1945. Fr. a/M., 1950. S. 494.

³² См. Гэндайси сирё. Том I. Токио, 1962. С. 398.; Волков Ф. Легенды и действительность о Рихарде Зорге // Военно-исторический журнал. 1966. № 12. С. 100; Савше А.С., Вартанов В.Н. Там вдали у реки... // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 62.

ной изоляции. Утверждается также, что в подготовке агрессии Гитлер зашел слишком далеко, чтобы без политического риска отказаться от своих планов.

Подобное развитие событий было маловероятным, ибо не исключено, что в обстановке того времени Германии вообще не рискнула бы прибегнуть к военной аванюре против Польши. Необеспеченность стратегического тыла на востоке, чреватая борьбой на два фронта, могла бы вызвать опасную для Гитлера оппозицию военных кругов в самой Германии. Что же касается «политического риска», то последовавшие события подтверждают, что Гитлер неоднократно откладывал свои агрессивные акции, если для их осуществления не было подходящих условий. Тем не менее, сговор двух диктаторов совершился. Согласие на заключение договора Сталин дал, а Молотов и Риббентроп подписали его в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. в Москве.

Подобное решение Сталина и Молотова означало, что они исходили не из глубокого анализа стратегических последователей этого шага, а опирались на ложно понимаемую ими сиюминутную, тактическую выгоду.

Обосновывая неизбежность советско-германского договора о ненападении, некоторые авторы ссылаются на тот факт, что Англия и Франция еще раньше заключили с Германией аналогичные договоры о ненападении. Действительно, англо-германская декларация была подписана 30 сентября 1938 г. Чемберленом перед его отъездом из Мюнхена и аналогичная ей германо-французская декларация – 6 декабря 1938 года³³.

Однако подобное сравнение неправомерно по ряду причин. Во-первых, общая военно-политическая обстановка осенью 1939 г. несопоставима с тем же периодом предыдущего года, хотя бы в том отношении, что в 1938 г. война не стояла у порога; во-вторых, правительства обеих стран договорились о развитии добрососедских отношений, признали отсутствие каких-либо территориальных споров и установили, что существующая граница между ними является окончательной. Можно ли эту договоренность считать предосудительной, почему она должна была вести к дестабилизации обстановки и вызывать какую-либо подозрительность советского правительства? В-третьих, и это представляется особенно важным, декларации имели открытый характер и не содержали секретных протоколов, направленных против интересов третьих стран. Наконец, в-четвертых, это были декларации, которые как известно, отличаются от других договорных документов тем, что представляют собой заявление двух и более государств, устанавливающее их взгляд по определенным крупным проблемам и излагающее общие принципы отношений между этими странами. Упомянутые декларации соответствовали принципам международного права и не могли быть источником международной напряженности, чего нельзя сказать о советско-германских договорах, подписанных в 1939 – 1940 гг.

Был ли неизбежен советско-германский договор? Например, В. М. Фалин считает, «что в момент принятия решения – заключать или нет договор о ненападении с Германией (19 – 20 августа 1939 гг.) у Сталина выбора уже не существовало. Все шансы на достижение соглашений с Англией и

³³ Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937 – 1939 г. Том I. М., 1981. С. 241, 257.

Францией были полностью исчерпаны, что лишало альтернативы». А сторонники этой же точки зрения А.С. Орлов и С.А. Тюшкевич так и назвали свою статью: «Пакт 1939 года: альтернативы не было»³⁴.

Если исходить из того, вытекал ли он объективно из сложившейся в то время международной обстановки, то на этот вопрос следовало бы дать отрицательный ответ. Нет, он не был неизбежен, ибо все-таки существовала многовариантная альтернатива.

Договор оказался неизбежным по другой причине: имея в руках неограниченную власть и считая свои решения безошибочными, Сталин не был бы таковым, если бы он не воспользовался подходящим случаем для демонстрации своего политического «нрава». «Сталин и Молотов заключали соглашение о сотрудничестве с фашистской Германией не потому, что иного выхода уже не было в сложившейся международной обстановке, а потому, что это был тот выход из сложившейся ситуации, которого они давно желали»³⁵.

Таково убедительно обоснованное мнение по этому вопросу Е. Гнедина, бывшего в те годы ответственным работником НКВД СССР и имевшего личное отношение к упомянутым событиям. К такому же выводу пришли В.М. Кулиш и А.О. Чубарьян: «Альтернатива была, но осталась нереализованной. Это важно сегодня с точки зрения нового мышления»³⁶.

Да, альтернатива была, но отсутствовало желание. Как говорили древние, желание – это тысяча возможностей. Нежелание – это тысяча причин.

При анализе вопроса о «вынужденной необходимости» заключения договора о ненападении неизбежно возникает контрвопрос: а кто же мог загнать Сталина в угол, из которого не было выхода и вообще возможно ли было кому-либо произвести эту операцию? Загнать в угол Сталина мог только сам Сталин и только в этом смысле можно трактовать договор как «вынужденная» мера³⁷.

Некоторые исследователи справедливо утверждают, что договор 23 августа 1939 г. нельзя вычленять из предыдущей истории переговоров, в частности, отрезать его от Мюнхенского сговора, англо-германской и французско-германской деклараций и некоторых других документов. Но еще с большим основанием мы не можем изолировать этот договор от других последовавших за ним советско-германских договоренностей, имевших место вплоть до июня 1941 г. Среди них своей особой одиозностью, о чем свидетельствует даже его название, выделяется германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенный в Москве 28 сентября 1939 г. и также вступивший в силу с момента его подписания, хотя и предусматривавший соответствующую ратификацию.

При отлете в Берлин 24 августа Риббентроп дал интервью корреспондентам Германского информационного агентства, в котором заявил, что «фюрер и Сталин решили установить дружественные отношения» между обеими странами³⁸. Это оз-

³⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 28; Литературная газета. 1988. 26 октября.

³⁵ Гнедин Е. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Документы и современные комментарии. Нью-Йорк, 1977. С. 45.

³⁶ Комсомольская правда. 1988. 24 августа; Молодежь Эстонии, 1989. 19 августа.

³⁷ Подробно см. материалы «круглого стола». // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 3 – 32.

³⁸ ADAP. Serie D. Band VII. S.210

начает, что приоритет «дружбы» не принадлежит договору 28 сентября. Принципиальная договоренность о ней была достигнута уже 23 августа 1939 г.³⁹.

В духе советско-германского договора было составлено и «Заявление советского и германского правительства», в котором содержался призыв к Англии и Франции прекратить войну с Германией, что отвечало бы «интересам всех народов». Далее следовало предупреждение, что в случае отказа Англии и Франции от данного предложения они будут нести «ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны правительство Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»⁴⁰.

Внешнее обрамление этого призыва выглядело действительно привлекательно и могло ввести в заблуждение многих. Но, во-первых, этот документ не отвечал «интересам всех народов», ибо его реализация означала бы возврат в Мюнхену и новому «умиротворению» Гитлера, только теперь уже за счет Польши. Во-вторых, попытка возложить ответственность за продолжение войны на Англию и Францию не имела под собой никакого обоснования, ибо обе эти страны, их правительства и народы вели оборонительную войну в интересах разгрома гитлеровской Германии и защиты своей свободы и национальной независимости. В-третьих, предупреждение о том, что СССР и Германия будут консультироваться о принятии «необходимых мер», означало, что советское руководство в обстановке продолжающейся войны совместно с одной из воюющих сторон шло на прямую конфронтацию с другой стороной, подвергая тем самым свою страну реальной угрозе быть вовлеченной в войну. Этот документ является еще одним свидетельством того, что Советский Союз приблизился к той черте, за которой кончается его нейтралитет и начинается фактический военно-политический союз с Германией.

Кроме нормализации политических отношений Сталин был весьма заинтересован и в углублении торгово-экономических связей с Германией. С этой целью в развитие идей договора о ненападении между Советским Союзом и Германией в 1939 – 1941 гг. был заключен ряд соглашений экономического и торгово-кредитного характера⁴¹.

Структура поставок была такова: СССР экспортировал промышленное сырье, нефтяные продукты и продукты питания, особенно зерновые; Германия поставляла Советскому Союзу промышленное оборудование. Советское правительство разрешило для Германии транзит стратегического сырья из Японии, Китая, Афганистана, Ирана и Румынии. Более того, цинк и каучук, закупленный Советским Союзом в Англии, и хлопок из США, по некоторым данным, также частично переправлялись в Германию⁴². Вряд ли подобные акции соответствовали нейтральному статусу Советского Союза.

Факты свидетельствуют, что экономические и торговые отношения между обеими странами, конечно же, имели определенное значение для Со-

³⁹ Подробно см.: Советское государство и право. 1989. № 9. С. 92 – 110, и Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 118– 124.

⁴⁰ Внешняя политика СССР. Т. IV. 1946. С. 452 – 453.

⁴¹ ADAP. Serie D. Band VII. S. 118, 122.

⁴² Irving D. Hitlers Krieg. 1939 – 1942. Die Siege. München – Berlin. 1983. S. 108.

ветского Союза. Однако гораздо большую и решающую выгоду от них приобрела Германия, ибо СССР имел возможность торговать с любой страной мира, тогда как Германия находилась в блокаде.

Особую значимость для обеспечения интересов Советского Союза его внешняя политика приобрела в начавшейся 1 сентября 1939 г. второй мировой войне. В новой ситуации Сталин придерживался прежней линии на сближение с зачинщицей этой войны фашистской Германией. Он сыграл решающую роль и в том, что Исполком Коминтерна, средства массовой информации и официальные органы СССР извращенно истолковывали политический характер этой войны и позиции участвовавших в ней сторон, что привело позже к крайне негативным последствиям. Утверждалось, например, что обе воюющие коалиции ведут империалистическую агрессивную войну и что ее зачинщиками якобы были Англия и Франция, а не Германия. К сожалению, даже в наше время, когда за истекшие полвека произошло столько событий, которые, казалось, должны были все прояснить и поставить все на свои места. Некоторые исследователи все же утверждают, что вторая мировая война началась как якобы империалистическая и несправедливая с обеих сторон и лишь позже стала перерастать в справедливую и освободительную⁴³.

В действительности же вторая мировая война с самого начала и после вступления в нее Советского Союза до победоносного завершения со стороны всех противников Германии пред лицом угрозы фашизма была войной справедливой и освободительной, ибо позиция правительств этих стран объективно, в основном и главным совпадала с жизненными интересами их народа. Проблема определения политического характера начавшейся второй мировой войны имела далеко не академический интерес. Она становилась теоретической базой для формирования собственной тактики и стратегии.

Сталин в данном случае не хотел видеть различий между двумя противоборствующими группировками, рассматривая каждую из них как потенциального антисоветского агрессора, что явилось крайне односторонним взглядом.

Попытка Сталина поставить текущую политику и цели стран буржуазной демократии и фашистских стран на одну доску неизбежно приводила к недооценке последних. Подобная недооценка со стороны советского руководства и Исполкома Коминтерна в первый период войны привела к значительному ослаблению разоблачения фашизма и задержала развертывание борьбы народных масс против него.

Подобная позиция Сталина особенно обнаженно выявилась в ходе германо-польской кампании в сентябре 1939 г., в ходе которой Советский Союз осуществлял фактическое военное сотрудничество с Германией и не придерживался своего официально объявленного нейтралитета. В частности, в соответствии с нормами международного права нейтральные государства могут предоставлять убежище войскам, военным кораблям и самолетам воюющих стран, но обязательно с последующим их интернированием, если их

⁴³ Тюшкевич С.А. Об оценке характера второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 107 – 115.

срок пребывания превышает одни сутки. Этих важных условий советские власти не придерживались. Они обслуживали немецко-фашистские военные корабли в советских портах в бассейне Баренцева моря, предоставляли транзит с Дальнего Востока в Германию большой группе офицеров из потопленного в Тихом океане германского «карманного» линкора «Адмирал граф Шпее», разрешали многочисленным группам немецких разведчиков, которые под предлогом организации переселения этнических немцев из Прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии в Германию и поисков могил немецких солдат, погибших в годы первой мировой войны, беспрепятственно объезжали западные районы Советского Союза. Сталин запретил пресекать провокационные полеты немецких самолетов над советской территорией и т.д. Это благодушие позже обошлось советскому народу весьма дорого.

Без каких-либо трудностей осуществлялось военное сотрудничество и во время боевых действий на территории Польши, для чего заблаговременно была установлена демаркационная линия разделения войск. В зависимости от темпов их продвижения эта линия корректировалась.

Вступление советских войск в восточные воеводства Польши в принципе было predetermined секретным протоколом от 23 августа. Германская сторона была, естественно, заинтересована в совместных действиях с войсками Красной Армии с самого начала войны против Польши. Показателен в связи с этим следующий случай. В конце августа в западную прессу (возможно, это было инспирировано из Берлина) просочились сведения о том, что в связи с обострившимся германо-польским конфликтом советские войска отодвигаются от границы с Польшей. Такое сообщение вызвало в Берлине озабоченность, и 27 августа Шуленбургу была срочно отправлена телеграмма следующего содержания: «В рамках заключенного договора об обменах нотами в осторожной форме выясните, действительно ли от польской границы отводятся советские войска. Нельзя ли их вернуть, чтобы они максимально связали польские силы на востоке?»⁴⁴.

Шуленбург в наркомате иностранных дел СССР все выяснил и сообщил, что вскоре будет опубликовано успокоительное заявление о том, что советские войска не собираются уходить с границы с Польшей⁴⁵. Действительно, опровергая сообщение иностранных газет об отводе от западных советских границ 200 – 300 тысяч войск, советское правительство 30 августа официально заявило, что «ввиду обострения положения в восточных районах Европы и ввиду возможности всяких неожиданностей советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР»⁴⁶.

Теперь, после ознакомления с немецкими трофейными документами, становится понятным истинный смысл этого заявления. Гитлер мог быть спокоен: Сталин выполнит его предложение сковать польские силы на востоке, чтобы облегчить действия вермахта на западе Польши. Но пока Сталин затягивал оговоренный в принципе срок, по крайней мере по следующим трем причинам: во-

⁴⁴ ADAP. Serie D. Band VII. S 302.

⁴⁵ Ibidem. S.318.

⁴⁶ Внешняя политика СССР. Т IV. 1946. С. 445.

первых, он хотел психологически подготовить советский народ к восприятию этого неожиданного акта в нужном духе. Чтобы ввести его в заблуждение относительно своих намерений в отношении Польши, советское руководство прибегало к различным манипуляциям. Как сообщал 10 сентября в Берлин Шуленбург, в ответ на его пожелание, чтобы советское правительство быстрее решило вопрос о вводе советских войск в Польшу, Молотов сказал, что он ожидает дальнейшего продвижения вермахта и тогда сможет объяснить своему народу, что вследствие немецкой угрозы оно вынуждено прийти на помощь западным украинцам и белорусам. Подобное обоснование, продолжал Молотов, успокоит народ, и Советский Союз в его глазах не предстанет в роли агрессора⁴⁷.

Во-вторых, существовала реальная опасность вмешательства в эти события западных держав. Так, когда Советский Союз и Германия договорились о разделе Польши (хотя этого в тот день еще никто не знал), Чемберлен и Галифакс 24 августа заявили, как сообщал в Москву помощник советского военного атташе в Лондоне, что Англия будет воевать за Польшу⁴⁸. Советскому правительству эта позиция стала известна уже на следующий день. Именно тогда министр иностранных дел Англии Галифакс и польский посол в Лондоне Э. Рачинский подписали пакт, устанавливающий, что стороны будут оказывать друг другу помощь в случае нападения третьей стороны. Сталин и Молотов не могли не понимать, какая сложилась бы ситуация, если бы Советский Союз с самого начала вмешался в германо-польский военный конфликт на стороне Германии. Поэтому им необходимо было выждать время до окончательного выяснения обстановки в Польше, что и произошло лишь 17 сентября 1939 года.

Вступление советских войск на территорию Польши, начавшееся ранним утром 17 сентября, привело к тому, что отношения Англии и Франции с Советским Союзом резко обострились и были на грани разрыва. 19 сентября в Москве была получена англо-французская нота, в которой содержалось требование прекратить продвижение советских войск, а затем и вывести их из Польши. В противном случае, говорилось в ноте, в соответствии с польско-французским союзническим договором объявление войны Советскому Союзу может произойти автоматически⁴⁹. Можно утверждать, что в то время, когда между Германией и западными странами шла «горячая» война, то между Советским Союзом и западными странами существовало состояние, по существу, «психологической» войны. Правда, уже на следующий день всем британским дипломатическим представительствам было дано разъяснение, что Великобритания не только не собирается объявлять войну Советскому Союзу, но, наоборот, должна оставаться в возможно лучших отношениях с ним. Было также предложено всякую анти-советскую пропаганду прекратить⁵⁰.

В-третьих, необходимо было успокоить возбужденную мировую общественность. В Берлине с этой целью 1 сентября 1939 г. было объявлено не

⁴⁷ СССР – Германия 1939 г. Т. 1. С. 87.

⁴⁸ ЦГАСА. Ф. 33887. Оп. 3. Д. 1235. Л. 80.

⁴⁹ Piekalkiewicz J. Polenfeldzug. Hitler und Stalin zerschlagen die Polnische Republik. Bergisch Gladbach. 1982. S. 192.

⁵⁰ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235. Л. 91.

о войне против Польши, а, якобы, только об ответных маневрах. В указании министерства пропаганды прессе было запрещено употреблять слово «война», поскольку Германия «только отвечает на польские провокации». Аналогичные указания были даны Вейцеккером всем германским дипломатическим миссиям за рубежом⁵¹. В конечном счете посол Шуленбург и военный атташе генерал Кестринг 29 августа сообщали в Берлин, что советские войска на западной границе находятся в полной боевой готовности⁵².

Используя задержку со вступлением на территорию Польши советских войск, германское командование с 1 по 16 сентября продвинуло свои войска до 200 км восточнее согласованной линии соприкосновения, проходившей по Нареву – Висле и Сану⁵³. Это передвижение войск к дважды менявшейся линии государственных интересов на территории Польши было завершено лишь 14 октября⁵⁴.

Утром 17 сентября Советское правительство сообщило, что по его приказу войска Красной Армии предпринимают поход в Польшу с целью освобождения единокровных братьев – украинцев и белорусов, проживающих в восточных воеводствах Польши. Но оно также не квалифицировало эти свои действия как войну против Польши. В тот же день заместитель наркома иностранных дел СССР Потемкин вручил польскому послу в Москве З. Гжибовскому ноту советского правительства, подписанную Молотовым, в которой утверждалось, что польское государство фактически перестало существовать. Тогда же эта нота была препровождена послам и посланникам государств, имевших дипломатические отношения с СССР⁵⁵. Некоторые органы советской печати пошли еще дальше. Они утверждали, что Польша как государство перестала существовать еще с 5 сентября, после чего «энергичные действия одного-двух генералов... не имели никакого значения»⁵⁶ (имелись в виду, конечно, польские генералы).

Между тем, остается фактом, что сталинское руководство нарушило Рижский мирный договор 1921 г. и советско-польский договор о ненападении 1932 г. Оно нарушило императивный принцип международного права: «договоры должны соблюдаться» (*pacta sunt servanda*), что квалифицируется как неправомерное деяние. Правда, по международному праву допускается аннулирование договора, если государство-контрагент прекращает существование. Но это же международное право не признает прекращение существования государства, если его высшие органы продолжают олицетворять его суверенитет в эмиграции, как было с польским правительством. Любопытен следующий эпизод. В ночь на 17 сентября Сталин и Молотов, информируя Шуленбурга о предстоящем вступлении советских войск в Польшу, заявили, что их цель состоит в том, чтобы спасти западных украинцев и белорусов. Подобное объяснение было повторено Молотовым в его речи по радио на следующий день.

⁵¹ ADAP. Serie D. Band VII. S. 409.

⁵² ADAP. Serie D. Band VII. S. 341.

⁵³ Irving D. Op. cit. S. 64.

⁵⁴ Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 233.

⁵⁵ Известия. 1939. 18 сентября.

⁵⁶ Большевик. 1939. № 22. С. 45 – 46.

Однако вопрос посла, от кого же нужно спасать и освобождают население Польши, поверг Молотова в некоторое смущение. Поэтому в совместном германо-советском коммюнике, принятом 18 сентября, но опубликованном лишь 20-го, по предложению германской стороны было сказано, что целью германских и советских войск является «восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»⁵⁷.

Возникает закономерный вопрос: кто уполномочивал правительство Советского Союза и Германии «восстанавливать порядок» в суверенной Польше и «помогать» ее населению без его согласия «переустраивать» порядки, существующие в этой стране.

Хотя состояние войны СССР с Польшей не было объявлено, но по существу реальные военные действия против польских воинских частей имели место. Этот факт был признан Молотовым в его докладе на сессии Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. Он говорил тогда о «боевом продвижении Красной Армии» и о захвате «боевых трофеев», которые составляли «значительную часть вооружения и боевой техники польской армии»⁵⁸. Кстати, Молотов воспользовался случаем для того, чтобы еще раз обвинить Англию и Францию в агрессии против Германии, которая, мол, жаждет только мира. Пропагандисты Геббельса подхватили эту пропагандистскую версию Молотова, отпечатали его речь в виде листовки на английском и французском языках и самолетами разбрасывали их над позициями англо-французских войск⁵⁹. В той же речи глава Советского правительства заявил, что Польша развалилась благодаря совместному удару германской армии, а затем и Красной Армии⁶⁰.

Несколько позднее, 26 декабря, в ответе Гитлеру на поздравление по случаю 60-летия Сталин также отмечал, что советско-германская дружба скреплена совместно пролитой кровью⁶¹. Как известно, в ходе этих боев 737 советских бойцов погибло и 1862 человека были ранены⁶². Небезынтересно вспомнить и о том, что советские войска взяли 120 тысяч польских военнопленных⁶³. Это были именно военнопленные, так их тогда и именовали в служебных документах и в открытой печати, но с июня 1941 г. их стали называть «интернированными».

В договоре от 28 сентября не было ни слова о праве польского народа на государственное существование, а объявленное в нем «переустройство» Польши рассматривалось только с точки зрения «дальнейшего развития дружественных отношений» между народами СССР и Германии. Но мировая история подтверждает, что не может быть настоящего блага для одних народов за счет горя и страдания других.

⁵⁷ Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 449.

⁵⁸ Большевик. 1939. № 20. С. 5.

⁵⁹ Gorlitz W. Der Zweite Weltkrieg 1939 – 1945. Stuttgart, 1951. S. 75.

⁶⁰ Большевик. 1939. № 20. С. 5.

⁶¹ Известия. 1939. 26 декабря.

⁶² Большевик. 1939. № 20. С. 5; «Красная Звезда» 17 сентября 1940 г. сообщала, что в Польше советские войска взяли в плен 181 тыс. человек, в том числе 10 тыс. офицеров.

⁶³ Архив ГАУ. Ф. 4/п. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л.62.

В Берлине еще в ходе боевых действий возникла идея о возможности в качестве буфера создания где-то в зоне между линиями интересов Германии и СССР «остаточного польского государства». Но во время встречи с Шуленбургом 25 сентября Сталин и Молотов отвергли эту идею, так как в будущем, по их мнению, такое государство может помешать отношениям между СССР и Германией⁶⁴. Гитлер отказался от идеи сохранить какое-то «остаточное польское государство» лишь 6 октября в своей речи в рейхстаге⁶⁵. Этот факт опровергает утверждение некоторых авторов, будто советское руководство, «будучи глубоко заинтересовано в том, чтобы Польша не была уничтожена Германией, по-прежнему было готово оказать ей помощь»⁶⁶.

Решение германского и советского правительств от 28 сентября о разделе территории Польши вызвало серьезную озабоченность польского народа и польских официальных лиц о судьбе своей родины. Так, польский посол в Париже, по сообщению агентства Гавас, выразил правительству Франции протест, назвав советско-германский договор нарушением священного права польского государства и народа, нарушением международных обязательств и человеческой морали⁶⁷.

Положение польских патриотов усугублялось еще и тем, что существовало советско-германская договоренность о сотрудничестве «в борьбе против польской агитации». Это не была формальная декларация: такое сотрудничество военных властей Германии и СССР в польской кампании, как заявил генерал Э. Кестринг, было реальностью и протекало на всех уровнях безукоризненно⁶⁸. Для обсуждения вопроса об установлении линии разграничения германских и советских войск в Польше 19 сентября в Москву прибыла германская военная делегация. С советской стороны в переговорах участвовали Ворошилов и Шапошников. 21 сентября был подписан секретный протокол, в котором, в частности, был согласован порядок и график отхода немецких войск на запад до установленной ранее линии по рекам Нарев – Висла и Сан. Немецкое командование обязано было обеспечить сохранность и передачу советским войскам всех оставляемых объектов. Было также согласовано, что «для уничтожения польских банд по пути следования советские и германские войска будут действовать совместно»⁶⁹.

Сохранив за собой нефтеносный район Львов – Дрогобич, занятый в первой половине сентября германскими войсками, позже отступившими к Сану, Сталин обязался поставлять Германии из этого района по 300 тыс. тонн нефти ежегодно⁷⁰.

Для осуществления договоренности о совместной борьбе против польского подполья было установлено сотрудничество между гестапо и органами НКВД. С этой целью в декабре 1939 г. в г. Закопане (на польской терри-

⁶⁴ Piekalkiewicz J. Op. cit. S 21.

⁶⁵ Irving D. Op. cit. S. 83.

⁶⁶ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1936 – 1939 гг. М., 1987. С 333.

⁶⁷ Piekalkiewicz J. Op. cit. S 225.

⁶⁸ Krummacher F.A. – Lange H. Op. cit. S 394.

⁶⁹ Piekalkiewicz J. Op. cit. S 199.

⁷⁰ Irving D. Op. cit. S. 75.

тории, оккупированной Германией) был создан совместный учебный центр⁷¹. В ходе военных действий командиры передовых частей германской и советской армий обменивались специальными офицерами связи. Но отдельных стычек между двигавшимися навстречу друг другу войсками избежать не удалось. В ряде западных районов Украины и Белоруссии городов еще до капитуляции Варшавы состоялись совместные парады (немцы их называли «парадами победы») с участием войск обеих стран. Например, в Гродно совместно с германскими генералами парад принимал комкор В.И. Чуйков, а в Бресте генерал Г. Гудериан и комбриг С.М. Кривошеин.

При оценке действий Советского Союза в Польше в сентябре 1939 г. нельзя абстрагироваться и от той политики, которую вели органы советской власти в западных областях Украины и Белоруссии в последующий период, когда эти области воссоединились с Советским Союзом. В нарушение Советской Конституции в этих областях преследовались деятели церкви, национальной культуры, проводились аресты невинных людей и осуществлялась насильственная массовая депортация населения, что сильно дискредитировало «освободительные» цели, провозглашенные советским руководством⁷².

На протяжении последующих месяцев после подписания советско-германских договоров между обеими странами осуществлялась практика взаимной информации о предстоящих шагах сторон. Так, Шуленбург по поручению Риббентропа весной 1940 г. проинформировал Молотова о предстоящем вторжении вермахта в страны Северной Европы, а позже в Бельгию и Нидерланды, на что глава Советского правительства ответил, что он с пониманием относится к усилиям Германии защищаться от Англии и Франции. 17 мая 1940 г. Сталин через Молотова передал германскому послу «самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск во Франции»⁷³.

Германское командование высоко ценило советский нейтралитет во время вторжения войск вермахта во Францию. Об этом свидетельствует следующее письмо германского военно-воздушного атташе в Москве, направленное 21 мая 1940 г. начальнику отдела внешних сношений НКО полковнику Осетрову: «Успех германских войск на западе обеспечен нашей дружбой с вами. Этого мы никогда не забудем. Перед отъездом в вашу страну я был у Гитлера, который мне сказал: «Помни, что Сталин для нас сделал великое дело, о чем мы никогда и ни при каких обстоятельствах не должны забывать»⁷⁴.

В этом же свете следует рассмотреть и советско-финляндскую войну, вспыхнувшую по инициативе СССР в конце ноября 1939 г. и длившуюся до середины марта 1940 г. Без предварительного согласия Германии, изложенного в секретном протоколе к договору 23 августа 1939 г., соблюдать свою незаинтересованность в регионе Балтики, этой войны могло бы и не быть. Вместе с тем нельзя не напомнить и о том, что предпосылки для такого конфликта между СССР и Финляндией складывались в более ранний период.

⁷¹ Piekalkiewicz J. Op. cit. S 274.

⁷² Подробно см.: Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26 – 44.

⁷³ Hilger G. Op. cit. S. 298.

⁷⁴ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1305. Л. 375.

В ходе дипломатических переговоров стороны не могли прийти к компромиссу, в силу чего Сталин отказался от дальнейших усилий по политическому урегулированию разногласий и прибег к военному методу. При этом Верховный Совет Союза ССР даже не принял такого важнейшего государственного акта, как официальное объявление войны Финляндии. Такой шаг вытекал из известного тезиса Сталина: современные войны начинаются без какого-либо предварительного объявления.

Еще в 1927 г. Лига Наций осудила агрессивные войны и объявила их международным преступлением, а в следующем году был подписан Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики⁷⁵. Даже Конституция СССР 1936 г., которая в международно-правовом смысле далека от совершенства, допускала возможность объявления не войны, а лишь «состояния войны» со стороны СССР только в двух случаях: при вооруженном нападении на Советский Союз и при необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии. Отнести это к советско-финляндскому военному конфликту не было оснований.

Но даже официальное объявление войны вовсе не обязывало фактически открывать военные действия. Наоборот, интервал между этими актами можно было бы использовать для поиска таких путей, оно однозначно нарушало международное право. Более того, как вытекает из международного права, начало агрессивной войны без ее объявления представляет собойотягчающее обстоятельство, повышающее ответственность агрессора. Именно так произошло с решением Сталина в конфликте с Финляндией осенью 1939 года.

Уже в первые дни войны Сталин отверг примирительные предложения Финляндии и посреднические услуги Лиги Наций, нарушив тем самым установления I-й Гаагской конвенции 1907 г., регулирующие добрые услуги и посредничество. Хотя это установление имело лишь значение рекомендации и совета, но нельзя было игнорировать его моральную ценность.

Уверовав в свою безнаказанность, Сталин и Молотов изыскивались языком ультиматумов и с другими малыми соседями Советского Союза. В великодержавной манере они осуществили акцию в республиках Прибалтики. Эта деформация советской внешней политики и государственной морали и поныне создает Советскому Союзу известные трудности.

Горький осадок оставили в памяти советских людей те тревожные дни 1939 г., когда руководители не только Англии и Франции, но и Советского Союза не нашли в себе политической мудрости, чтобы объединить свои усилия для борьбы против фашизма и предотвращения войны.

Сталин и другие руководители Советского государства до рокового утра 22 июня 1941 г. сами слепо верили в чудодейственную силу советско-германского договора и убаюкивали свой народ. Так, М.И. Калинин, выступая 5 мая 1941 г. перед выпусками Военно-политической академии им. В.И. Ленина, говорил, что «... в момент, когда, казалось, что рука агрессора, как думали чемберленовцы, была занесена над Советским Союзом, в это время

⁷⁵ Международное право в документах. М., 1982. С. 668 – 669.

мы заключили пакт с Германией. Занесенная над нами рука агрессора была отведена рукой товарища Сталина... Договор, заключенный между Советским Союзом и Германией, выбил оружие из их рук...»⁷⁶.

В подобном же духе было составлено и пресловутое заявление ТАСС от 14 июня 1941 г.

Вследствие в целом недальновидной политики советского руководства и прежде всего Сталина и в результате подписания советско-германских договоров международная изоляция СССР углубилась. Жаль, что редакция журнала «Новая и новейшая история», опубликовав добротный документальный обзор к истории заключения советско-германского договора и признав в нем наличие отрицательных сторон политического баланса этого документа, все-таки нашла в нем больше сторон для «обеспечения безопасности Советского Союза»⁷⁷.

Одной из важных причин сложившейся ситуации было то, что в советской внешней политике после смерти В.И. Ленина утвердились предрасудки, догмы и левацкие тенденции. Свою негативную роль сыграли великодержавные замашки Сталина, его приверженность концепции экспорта революции из Советского Союза. Так, выполнение интернационального долга Советским Союзом, особенно применительно к соседним странам, Сталин и его окружение понимали как «умножение числа советских республик». Об этом откровенно заявил на XVIII съезде партии в марте 1939 г. в присутствии Сталина начальник Главного политического управления Красной Армии Л. З. Мехлис. Такая же концепция формулировалась в проекте директивы о задачах политической пропаганды в войсках, разработанной за несколько дней до начала Великой Отечественной войны в июне 1941 г. В этом документе выдвигалось предположение проводить наступательную внешнюю политику и расширять территорию Советского Союза. Эта политика уже «выразилась в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, в разгроме белофинской авантюры»⁷⁸.

Еще более цинично свое понимание «интернационального долга Советского Союза» выразил тогдашний партийный идеолог А. А. Жданов: «Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики»⁷⁹.

В осуществлении этой «наступательной политики» сталинское руководство рассчитывало не только на мощь вооруженных сил, но и на поддержку трудящихся в других странах. Этот расчет нашел отражение и в Полевом уставе 1939 г. В нем говорилось, что «великая мощь и несокрушимая сила Рабоче-Крестьянской Красной Армии заключается... в сочувствии и поддержке, которые она встретит среди трудящихся масс напавших стран и всего

⁷⁶ Аргументы и факты. 1989. № 23. С. 4.

⁷⁷ Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 20 – 21.

⁷⁸ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 20. Л. 48 – 49.

⁷⁹ Там же. Л. 84.

мира»⁸⁰. Последующие события подтвердили, что трудящиеся других стран действительно поддерживали Красную Армию, сражавшуюся против фашизма. Но надежда на эту поддержку оказалась несколько преувеличенной.

Негативную роль во внешнеполитической деятельности советского руководства сыграло и упрямое неприятие Сталиным и его окружением международной социал-демократии, которую он, а вслед за ним и Исполком Коминтерна, считали даже более опасным врагом, чем фашизм. Подобной «концепции» они продолжали придерживаться и после исторического конгресса Коминтерна вплоть до июня 1941 г.

Таким образом, проблема сталинских внешнеполитических деформаций в контексте с предвоенным политическим кризисом 1939 г. и сравнительный анализ разнообразия взглядов советских историков на нее свидетельствует о ее сложности и неоднозначности. Тем не менее в состоявшихся в последние месяцы дискуссиях по отдельным аспектам этой проблемы наблюдается тенденция сближения точек зрения. Можно выразить уверенность, что при должной компетентности, владении документальным материалом и взаимном уважении участники дискуссий сумеют выработать общую концепцию.

Конечно, следует при этом избегать крайностей в своих суждениях, создающих излишние препятствия в поисках исторической правды. Образцом такой консервативной крайности, которая ни на шаг не продвигает вперед нашу науку, служит довольно путаная статья доктора философских наук Е.И. Рыбкина «Мировоззрение и военная история». В ней автор применил всевозможные и доступные ему эпитеты, чтобы превознести якобы «поразительный эффект», приобретенный Советским Союзом заключением договора с Германией. Он пишет, что «несколькими неожиданными ходами советской дипломатии удалось в конце концов добиться невиданной, *просто невероятной*, как казалось еще недавно, *дипломатической победы*: империалистический мир *удалось расколоть*, и настолько, что неагрессивная в то время его часть — США, Англия (после лета 1940 г.) не только осталась вне антисоветского фронта, но и приняла нашу сторону». «Я полагаю, — завершает свой вывод автор, — что это была величайшая дипломатическая победа первой половины XX века»⁸¹.

А я же полагаю, что поразительная некомпетентность и вызванная ею необъективность автора в этом вопросе привели его к «величайшему заблуждению второй половины XX века».

При всех прочих разногласиях советским исследователям, видимо, есть основания согласиться с тем, что порочная внешнеполитическая концепция Сталина в период острого предвоенного политического кризиса убедительно подтверждает ту истину, что любая попытка обеспечить свою безопасность за счет пренебрежения безопасностью других стран неизбежно ведет к непредсказуемым последствиям.

⁸⁰ Полевой Устав РККА (ПУ-39). М., 1939. С. 9 – 10.

⁸¹ См.: Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 51.

Нарушение принципов национального законодательства и международного права со стороны как Германии, так и Советского Союза, в один из самых напряженных периодов новейшей истории Европы, было неслучайным. Внешняя политика гитлеровской Германии вытекала, естественно, из самой сущности теории и практики фашизма. Что же касается внешнеполитической концепции Советского Союза, то решающую роль в принятии мер, противоречащих ленинским принципам, сыграли те деформации, которые определяли общую обстановку в стране. Правы советские исследователи В. М. Кулиш и Р. А. Мюллерсон, которые считают, что подобный сговор с фашизмом можно рассматривать лишь в контексте развития политики Советского государства при Сталине⁸². «Политические режимы двух классово противоположных государств приобрели самодовлеющее, доминирующее для характеристики этих государств значение, а методы осуществления власти, направленной, казалось бы, на взаимоисключающие цели, стали в своих главных чертах совпадать. Отсюда и такое взаимопонимание, пронизанное в то же время недоверием»⁸³.

В результате были утеряны многие из тех важных достижений во внешнеполитической области, которых добился Советский Союз за предшествующие годы.

Главным итогом советско-германских договоренностей и «дружественного понимания» с фашизмом была гитлеровская агрессия 22 июня 1941 г. Трагические плоды этих договоренностей советский народ постигал на протяжении четырех лет кровавой войны.

⁸² Кулиш В.М. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4. С. 124 – 136.

⁸³ Мюллерсон Р.А. Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права. Советское государство и право, 1989. № 9. С. 105.